

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(410.1).09"17"

EDN JZWBWV

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-108-113>

МЫСЛИ, МАКСИМЫ, ХАРАКТЕРЫ: ФРАГМЕНТАРНОСТЬ КАК ПРИНЦИП ЭТИЧЕСКОГО НАРРАТИВА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVII ВЕКА

Голубков Андрей Васильевич, доктор филологических наук, профессор РАН, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, andreygolubkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7069-1033>

Аннотация. Статья посвящена осмыслению эстетического феномена французской словесности XVII в., заключающегося в тесной связи фрагментарной формы с этическим содержанием художественного дискурса. В качестве объекта исследования избирается корпус афористических текстов, созданных в 1656–1697 гг. и представленных книгами «Мысли» Б. Паскаля, «Максимы» Ф. де Ларошфуко, а также «Характеры, или Нравы нынешнего века» Ж. де Лабрюйера. В процессе анализа систематизируются методы анализа указанного феномена в западной и отечественной традиции: «кратилистский» подход (Ж.Р. Дерби и Ж. Старобинский), «медицинский» метод (Л. Ван Дельфт, М.С. Неклюдова), «эдиционный» (Э. Бюри), а также «светский» (Р. Гарapon). Отмечается влияние топики, утвердившейся как метод научного дискурса и гномических жанров дидактического характера. На основе проведенного исследования показывается, что французские афористические тексты XVII в. отчетливо отличаются от предшествующей традиции установкой на эстетизм и отсутствием дидактической направленности.

Ключевые слова: афоризм, Ф. де Ларошфуко, «Максимы», Б. Паскаль, «Мысли», Ж. де Лабрюйер, «Характеры», этический нарратив, поэтика, фрагмент.

Для цитирования: Голубков А.В. Мысли, максимы, характеры: фрагментарность как принцип этического нарратива во французской литературе XVII века // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 108–113. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-108-113>

Research Article

THOUGHTS, MAXIMS, CHARACTERS: FRAGMENTATION AS A PRINCIPLE OF MORAL NARRATIVE IN THE 17TH CENTURY FRENCH LITERATURE

Andrey V. Golubkov, Doctor of Philological Sciences, RAS Professor, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, andreygolubkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7069-1033>

Abstract. The article is devoted to the understanding of the aesthetic phenomenon of the 17th century French literature, which consists in the close connection of the fragmentary form with the ethical content of discourse. The corpus of aphoristic texts created in 1656–1697, i.e. the books “Thoughts” by Blaise Pascal, “Maxims” by François de La Rochefoucauld, as well as “Characters or Mores of the present century” by Jean de La Bruyère are chosen as the object of research. In the process of work we systematise the methods of analysing this phenomenon in the Western and Russian traditions: the “cratylist” approach (Gilbert Romeyer Dherbey and Jean Starobinski), the “medical” method (Louis Van Delft, Mariya Neklyudova), “new publishing schemes” (Emmanuel Bury), as well as “secular” (Robert Garapon). We note the influence of topics which has established itself as a method of scientific discourse and gnomical genres of a didactic nature. In the result, we show that the French aphoristic texts of the 17th century clearly differ from the previous tradition by an attitude towards anthropological aestheticism and the absence of a didactic purpose.

Keywords: aphorism, François de La Rochefoucauld, “Maxims”, Blaise Pascal, “Thoughts”, Jean de La Bruyère, “Characters”, moral narrative, poetics, fragment.

For citation: Golubkov A.V. Thoughts, maxims, characters: fragmentation as a principle of moral narrative in the 17th century French literature. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 108–113 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-108-113>

«Мысли» Б. Паскаля (созданы в 1657–1658; первое издание в 1670), «Максимы» Ф. де Ларошфуко (1665–1678) и «Характеры» Ж. де Лабрюйера (1688–1696) – вершины фрагментарного стиля во французской словесности XVII столетия. Их магистральным сюжетом оказывается оппозиция бытия и кажимости, связанные с ней бескомпромиссное сомнение, генерализованное презрение, отчетливое недоверие и глобальная подозрительность в отношении любых намерений человека. В настоящей статье нам бы хотелось остановиться на прояснении соотношенности фрагментарного – купированного – стиля и этического дискурса: почему же в течение 4 десятилетий во французской светской и религиозной традиции наблюдается такая популярность короткой формы при описании человеческих нравов.

Общеизвестно, что «Мысли» Паскаля рассматриваются в качестве разрозненных фрагментов задуманной книги «Апология христианской веры», которая осталась незаконченной в силу непреодолимых обстоятельств (фрагментация при сборе информации и при подготовке речи в Пор-Рояле в 1658, смерть автора в 1662). Тем не менее у самого Паскаля внутри «Мыслей» есть значительное количество отсылок к ценности фрагментарного письма, а также стремление по-светски «нравиться при помощи мелких клочков» [Jaouen], которые окажутся эффективными для светского убеждения «достойного человека» – социального типажа, становление которого проходит в течение первой половины XVII в. Тезис о вынужденности фрагментарного стиля в качестве издательского проекта в отношении «Мыслей» базируется на общем представлении компилятивного сборника как предтекста – наброска к более грандиозному труду, который должен быть оценен с точки зрения классической поэтики как имеющий начало, середину и конец. Заметим, что именно как наброски к не сложившемуся целому воспринимали текст Паскаля его первые издатели; так же оценивал Н. Буало-Депрео «Характеры» Лабрюйера, а Вольтер в труде «Век Людовика XIV» – труд Ларошфуко. Тем не менее в последнее время формульный характер моралистов оценивается именно как сокровенная поэтическая особенность (а не дефект текста), более того, предположение о вынужденном фрагментарном характере «Мыслей» Паскаля ставится под сомнение [Голубков]. Нельзя не вспомнить знаменитое высказывание С.С. Аверинцева: «“Мысли” – книга, которая осталась незавершенной не только из-за смерти автора, но и по каким-то собственным внутренним законам: с точки зрения традиционной концепции жанра книга без жанра, книга несконченная, несостоявшаяся, так сказать, не книга, нелитература, которая, однако, оказалась самым жизненным шедевром века» [Аверинцев: 113]).

Тип повествования скачками – «отдельными мыслями» – оказался поводом для атак на Лабрюйера, который в своей «Академической речи» (1693) был вынужден оправдываться, отбиваясь от нападок и обвинений в неспособности создать законченный текст. Логика его аргументации неизбежно строилась вокруг стратегии типологизации, редукционистского сведения многообразия к исчисляемым рубрикам, при этом он отдельно указывал на бесперспективность поиска прототипов своих героев. Методологическая логика типологии, основывающаяся на перипатетических представлениях о темпераменте и характере навязывает фрагментарность, ее подтверждением оказывается сама структура книги «Характеры» Теофраста. Лабрюйер называет свой труд, используя слово, восходящее к ключевому тексту Теофраста, а также провозглашая независимость по отношению к Ларошфуко и Паскалю; как и его античный предшественник, Лабрюйер стремится «показать людям вообще» [Лабрюйер: 22]. В «Слове о Теофрасте» Лабрюйер утверждал неизменность человеческой природы: «Люди, если говорить о сердце и страстях, совсем не изменились; они все такие же, какими были тогда и какими их обрисовал Теофраст: суетные, скрытные, льстивые, корыстные, бесстыдные, назойливые, подозрительные, злоречивые, сварливые, суеверные» [Спор о древних и новых: 331]. Художественная стратегия Лабрюйера может быть соотнесена с опытом классицистической комедии (восходящей, в свою очередь, к новой аттической комедии), которая оперирует сложившимися устойчивыми типами, тем не менее Лабрюйер нарочито преодолевает стандартизированные комедийные сюжеты и всю фабульную логику разворачивания действия, концентрируя свое внимание на личности, анализ этического своеобразия которой потребовал именно фрагментарного письма.

В свою очередь, Ларошфуко использует в названии слово «максима», отсылающее к традиционной логике (большая посылка силлогизма [Goyet]), а также к салонным разговорам круга госпожи де Сабле (ее собственный сборник «Максимы» был издан посмертно в 1678 г.). Нельзя не согласиться с А. Мосс, которая рассматривает «Максимы» в качестве значимого свидетельства окончательного разрыва с предшествующей диалектической и риторической традицией [Moss: 437]: Ларошфуко, по ее мнению, не использует цитаты и не отсылает к авторитетным текстам («локус авторитетности» приписан коллективному «мы» – светскому сообществу, настроенному на самоанализ), а также уже не рассматривает свой труд как компиляцию, из которой можно заимствовать примеры для аргументации. При этом Ларошфуко указывает, что публика ожидала от него именно традиционную топическую структуру: «Если

же кто-нибудь обратит внимание на методу ее (книги) составления, то должен отметить, что, на мой взгляд, каждую максимум нужно было бы озаглавить по предмету, в ней трактованному, и что расположить их следовало бы в большем порядке. Так как порою один и тот же предмет упоминается в нескольких максимах, то люди, к которым я обратился за советом, рассудили, что всего правильнее будет составить Указатель для тех читателей, которым придет охота прочесть подряд все размышления на одну тему» [Ларошфуко: 150].

Итак, повторим, ключевой исследовательский вопрос, неизбежно возникающий при анализе указанных сочинений Паскаля, Ларошфуко и Лабрюйера, касается выяснения причин, почему этический нарратив, фокусирующийся на исследовании человеческой природы, оказывается соотнесен с купированным – формульным – стилем? Исследовательская традиция, посвященная этим текстам, огромна, тем не менее попробуем выделить ряд подходов к обозначенной проблеме.

Ж.Р. Дерби и Ж. Старобинский обосновывают так называемый «кратилистский» метод, в основе которого – допущение, что фрагментарная форма оказывается идеальным образом самого содержания книги: усложняющийся в Новое время индивид, отчетливо демонстрирующий свою сложность, может быть описан исключительно мультипликативно, системный последовательный анализ, который присутствует в связанном трактате, дает сбой из-за отсутствия инструментария, способного осмыслить и репрезентировать нестабильность [Dherbey; Starobinski]. В русле настоящего подхода в отечественной филологической традиции прочитываются и статьи Н.А. Жирмунской; так, в статье «Человек в микромире афоризма» она отмечала: «Динамическая изменчивость человека в понимании Монтеня сменяется у Ларошфуко изначальной стабильной двойственностью и двуличностью, не оставляющей места для конечного торжества светлого и доброго начал» [Жирмунская, 13]. Создаваемая в указанных текстах атмосфера во многом схожа по своим основаниям с идеологическим климатом 1660–80-х гг. во Франции, в том числе с пессимистическими установками трагедий Ж. Расина, а также романа «Принцесса Клевская» М.М. де Лафайет; во всех указанных текстах сделан акцент на принципиальной нестабильности человеческой личности.

Не менее распространенным объяснением синтета этики и формульности оказывается предположение о совпадении морализаторских и медицинских практик, наиболее ярко настоящая концепция нашла воплощение в трудах Л. Ван Дельфта, а также отечественного филолога М.С. Неклюдовой [Van Delft; Неклюдова]. Развивая высказанные ван Дельфтом замечания о том, что в афористическом нарративе

Лабрюйера и Ларошфуко «риторические подходы аналогичны операциям анатома во время расчленения» [Van Delft: 221], Неклюдова отмечает: «Их можно назвать анатомами: во второй половине XVII столетия термин “анатомия” был в ходу и обозначал любое разъятие с целью анализа – неважно, человеческого тела или души. Как и естествоиспытателей, их интересовало то, что скрывается за внешней оболочкой, за привычными действиями, за столь, казалось бы, ординарными побуждениями» [Неклюдова: 5]. Безусловным допущением при таком подходе оказывается идентификация моралиста с врачом, который предлагает лекарство для излечения (в связи с чем невозможно игнорировать опыт афоризмов Гиппократа, удобных для запоминания) или же патологоанатомом, производящим рассечение человеческого сердца: «С приверженностью к анатомированию связано и тяготение моралистов к малым литературным формам: максимах, сентенциям, «характерам», портретам, размышлениям, беседам, эссе. Они ставили перед собой цель добраться до неделимого и не поддающегося редуцированию значения, будь то основные человеческие инстинкты или предельно экономный способ их представления» [Неклюдова: 6].

Нельзя не упомянуть в контексте нашего анализа и важные наблюдения Э. Бюри, который популярность фрагментарности в этическом дискурсе увязывает с влиянием гуманистической эдиционной культуры и формирующимися новыми практиками чтения, а также привычкой рецепции «смесей» [Bury: 33–38]. Эдиционное пространственное расположение (фрагментирование источника или атомизация мысли, а также последующая классификация) оказывается следом популярности как топики, так и относительно новой модели текста – *varietas*.

Проблема системного изложения (метода) науки оказывается одной из самых важных в дискуссиях Республики словесности в Новое время. Эразм Роттердамский в трактате «Об изобилии» популяризировал топику как инструмент филологического анализа – *eruditio* (знания, комментария), противостоящего *imitatio* (подражание древним текстам). Р. Агрикола и П. де Ла Раме предписывали последовательность и почти формализованную схему работы с источником – выделение проблемы, дробление (рассечение) на составные части, подбор примеров. В трактате «О способе обучения, а также чтения и толкования авторов» (1512) Эразм описывал сборник мест как основной метод образовательного процесса. Методологическая организация *eruditio* как раз устанавливала приоритет «купированного» стиля над периодическим, воплощавшегося, кроме прочего, в значительном количестве классификаций, схем и таблиц, ставших зрительным воплощением пространственной диспозиции знания.

XVI и XVII вв. – период колоссальной популярности компендиумов и энциклопедий. В ряде случаев рамистская методология смыкалась с мнемоническими техниками, когда классификация производилась с использованием топонимики библиотеки («Универсальная библиотека» К. Геснера, 1545; «Универсальная библиотека» Ж. Леклерка, 1686; и др.), театра, а в ряде случаев больницы: «Театр мира» П. Бозтьо (1558), «Театр человеческой жизни» Т. Цвингера (1565), «Театр различных умов» (1583) и «Больница неизлечимо помешанных» (1586) Т. Гарцони, «Театр» Ж. Бодена (1596), «Театр человеческих жизней» Ж.Ж. Буассара (1596) и др. В числе значительных энциклопедических по охвату материала сводов – семитомная «Энциклопедия» И.Г. Альстеда (1630); одним из последних примеров колоссального компендиума, построенного на принципах топики, оказывается книга «Полигистор» Д.Г. Морхофа (изд. в 1688–1708 гг.), который в 1-м томе полемизирует с критиками общих мест (в частности с Ш. Сорелем и его «Французской библиотекой»), а также представляет историю *loci communes*, рассуждая о флорилегиумах, сборниках примеров, апофтегм, пословиц, сентенций и т. д.); в числе образцовых, по его мнению, текстов оказываются рубрицированные К. Ликосфеном и П. Шароном произведения Сенеки и М. де Монтеня, труды Эразма и Монтеня, а также апофтегмата Н. Перро д’Абланкура и афоризмы Ф. Бэкона.

Не будем также забывать, что поздний Ренессанс отмечен широким распространением печатных античных и византийских компилятивных сборников – «Аттические ночи» Авла Геллия (1469, альдина 1515), «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» Диогена Лаэртского (1472), «Естественная история» Плиния Старшего (1473), «Полигистор» Солина (1473), «Дистихи Катона» (1475), «Сентенции» Публия Сира (1515), «Пирующие софисты» Афиней (альдина 1514), «Флорилегий» Стобея (отрывки в 1521, полный текст 1536, в латин. пер. К. Геснера – 1543), «Пестрая история» Элиана (1545), «Хилиады» Иоанна Цеца (1546), «Строматы» Климента Александрийского (1550), «Сатурналии» Макробия (1560) и др. На их фоне как раз и обрела популярность традиция печатных *varietas* и различного рода смесей, которые представляли собой фиксацию вариантов античных текстов с комментариями и корректурами – они активно приобретали характер досугового чтения интеллектуалов: «Комментарии» Ф. Бериальдо (1482), «Корнукопия» Н. Перотти (1489); «Смесь» (1489, с посвящением Лоренцо Медичи) и «Панэпистемон» (1490) А. Полициано; «Античные чтения» Целия Родигина (альдина 1516); труды Г. Бюде («Комментарии», 1529), Ф. Робортелло (1543), «Универсальная библиотека» (1545) и «Пандекты» (1548) К. Геснера, П. Веттори (1553),

М.-А. Мюре (1559), И.-Ю. Скалигера, Юста Липсия. Произведения такого рода в значительной степени сопротивлялись тенденции к структурированию информации в соответствии с методом топики и представляли читателю возможность получать удовольствие от случайной диспозиции частей, которая возводилась в эстетический принцип. Ярким свидетельством нарастающей популярности нового способа чтения оказывается сборник «Адагии» Эразма Роттердамского (1500).

Нельзя в нашем контексте не упомянуть о концепции Р. Гарапона, которая основывается, в свою очередь, на тезисе, что короткая форма оказывается важным симптомом светской речи с ее скачками, повторами, пуантами, парадоксами и всеми атрибутами перформативности [Garon]. Нам представляется, что в связи с этим короткая разговорная форма оказывается эффективной техникой распространения знания среди «достойных людей», а ее популяризация знаменует собой окончательный отказ от прямого наставления и устремление к анализу неидеализированной антропологической природы.

Светский афоризм, как может показаться, во многом наследует формульный стиль традиционной топики, прежде всего пословицы, прагматика которой не предполагает критической рефлексии прежде всего из-за категоричности и имперсональности. Сентенциозный характер отличает французскую гномическую поэзию в духе дистихов Катона, пользовавшуюся популярностью вплоть до середины XVII в., таковы «Катрены» Г. де Пибрака (1574), «Мимы, назидания, пословицы» Ж.А. де Баифа (1576, многочисленные переиздания), «Картины жизни и смерти» П. Матье (1610). Назидательная пословица, тем не менее, в описываемый нами период оказывается уже почти исключительно уделом простонародья: примером может служить реплика в комедии «Скупой» Мольера, в которой главный герой произносит в доказательство своей скупости пословицу, восходящую к Сократу «Мы для того едим, чтобы жить, а не для того живем, чтобы есть» (3, 5 [Мольер 3: 79]). Не менее показательна и реплика горожанина Горжибюса в комедии «Сганарель, или Мнимый рогоносец»:

Прочли бы вы хоть раз – ведь смысл их так прекрасен –
Пибраковы стихи иль взяли томик басен
Советника Матье – весьма почтенный труд!
А сколько мудрости вы почерпнете тут!
Советы грешникам для чтения прелестны
И учат в краткий срок жить праведно и честно
[Мольер 1: 260].

Не будет лишним вспомнить, что лорд Честерфилд в письме к своему сыну (1741) настоятельно требует избегать пословиц в светском общении: «Существуют также неловкости речи, употребление слов и выражений, которых самым тщательным образом

следовало бы избегать, коверканье языка, дурное прозвище, всем надоевшие поговорки и избитые пословицы, свидетельства того, что человек привык бывать в низком и дурном обществе. В самом деле, если вместо того, чтобы сказать, что у людей бывают разные вкусы и у каждого человека свой, ты разрешишься пословицей и скажешь “Всяк молодец на свой образец” или “У всякого скота своя пестрота”, люди вообразят, что ты всю свою жизнь провел в обществе одних только горничных и лакеев» [Честерфилд: 13].

Светский этический нарратив предпочитает купированный стиль, который лишь внешне можно соотносить с текстами топической или гномической традиции; «мысли», «максимы» и «характеры» сущностно как раз противостоят пословице (сентенции, апофтегме) и всей предшествующей топической традиции прежде всего отсутствием имплицитного намерения улучшить человеческую природу: функционал нового светского афоризма, в отличие от гномического, состоит не в том, чтобы привести к дидактическому трюизму и универсальному закону, но в эстетизации парадокса. И нельзя не вспомнить в этой связи программное заявление Лабрюйера: «Философ проводит всю жизнь в наблюдениях за людьми и, не щадя сил, старается распознать их пороки и слабости. Излагая свои мысли, он порою ищет для них отточенную форму, но не авторское тщеславие движет им при этом, а желание показать открывшуюся ему истину в таком свете, чтобы она поразила умы» [Лабрюйер: 34].

Список литературы

Аверинцев С.С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. Москва: Наука, 1986. С. 104–116.

Голубков А.В. Ad memoriam: к вопросу о базовой фрагментарности паскалевских мыслей // Франция и Россия: вокруг Блеза Паскаля. Санкт-Петербург: Алетейя, 2020. С. 85–94.

Жирмунская Н.А. Человек в микромире афоризма // Размышления и афоризмы французских моралистов XVI–XVIII веков. Санкт-Петербург: Corvus, 1995. С. 5–22.

Лабрюйер Ж. де. Характеры, или Нравы нынешнего века. Москва; Ленинград: Художественная литература, 1964. 416 с.

Ларошфуко Ф. де. Мемуары. Максимы. Ленинград: Наука, 1971. 293 с.

Мольер. Полн. собр. соч.: в 3 т. Москва: Искусство, 1985–1987.

Неклюдова М.С. Анатомия нравов: французские моралисты XVII–XVIII вв. // Ларошфуко Ф. де. Максимумы. Лабрюйер Ж. де. Характеры, или Нравы нынешнего века. Сент-Эвремонт Ш. де Сен-Дени де.

Избранные беседы. Клапье де Вовенарг Л. де. Введение в познание человеческого разума. Размышления и максимы. Шамфор С.-П. Н. Максимумы и мысли. Москва: АСТ, 2004. С. 5–22.

Спор о древних и новых. Москва: Искусство, 1985. 471 с.

Честерфилд. Письма к сыну. Максимумы. Характеристики. Москва: Наука, 1978. 328 с.

Bury E. Littérature et politesse. L'invention de l'honnête homme (1580–1750). Paris, Presses universitaires de France, 1996, 268 p.

Dherbey G.R. Temps et contre-temps chez La Bruyère. Revue d'histoire littéraire de la France, 1984, No. 3, pp. 355-372.

Garapon R. Les Caractères de La Bruyère: La Bruyère au travail. Paris, Société d'édition d'enseignement supérieur, 1978, 215 p.

Goyet F. L'origine logique du mot “maxime”. Logique et littérature à la Renaissance. Paris, Champion, 1994, pp. 27-49.

Jaouen F. De l'art de plaire en petit morceaux. Pascal, La Rochefoucauld, La Bruyère. Paris, Presses universitaires de Vincennes, 1996, 186 p.

Moss A. Du lieu commun à la maxime: de la Renaissance au monde classique. Formes littéraires brèves. Wrocław, Paris, Edition de l'Université de Wrocław, 1991, pp. 43-52.

Starobinski J. La Rochefoucauld et les morales substitutives. La Nouvelle Revue française, 1966, No. 163, pp. 16-34.

Van Delft L. Littérature et anthropologie: Nature humaine et caractère à l'époque classique. Paris, Presses Universitaires de France, 1993, 288 p.

References

Averintsev S.S. *Istoricheskaja podvizhnost' kategorii zhanra: opyt periodizatsii* [Historical mobility of the genre category: the experience of periodization]. *Istoricheskaja poetika. Itogi i perspektivy izucheniia* [Historical poetics. Results and prospects of the study]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 104-116. (In Russ.)

Golubkov A.V. *Ad memoriam: k voprosu o bazovoi fragmentarnosti paskalevskikh myslei* [Ad memoriam: on the question of the basic fragmentation of Pascal's thoughts]. *Frantsiia i Rossiia: vokrug Bleza Paskalia* [France and Russia: around Blaise Pascal]. Saint-Petersburg, Aleteia Publ., 2020, pp. 85-94. (In Russ.)

Zhirmunskaja N.A. *Chelovek v mikromire aforizma* [A man in the microcosm of aphorism]. *Razmyshleniia i aforizmy frantsuzskikh moralistov XVI–XVIII vekov* [Reflections and aphorisms of French moralists of the XVIth–XVIIIth centuries]. Saint-Petersburg, Corvus Publ., 1995, pp. 5-22. (In Russ.)

Labriuiet Zh. de. *Kharaktery, ili Nravy nyneshnego veka* [Characters, or the Mores of the present century].

Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaia literature Publ., 1964, 416 p. (In Russ.)

Laroshfuko F. de. *Memuary. Maksimy* [Memoirs. Maxims]. Leningrad, Nauka Publ., 1971, 293 p. (In Russ.)

Mol'er. *Poln. sobr. soch.: v 3 t.* [Complete Works: in 3 vols.]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1985-1987. (In Russ.)

Nekliudova M.S. *Anatomiia nraov: frantsuzskie moralisty XVII–XVIII vv.* [Anatomy of morals: French moralists of the XVIIth-XVIIIth centuries]. Laroshfuko F. de. *Maksimy* [Maxims]. *Labriuier Zh. de. Kharaktery, ili Nravy nyneshnego veka* [Characters or the Mores of the present century]. Sent-Evremon Sh. de Sen-Deni de. *Izbrannye besedy* [Selected conversations]. Klap'e de Vovenarg L. de. *Vvedenie v poznanie chelovecheskogo razuma. Razmyshleniia i maksimy* [An introduction to

the knowledge of the human mind. Reflections and maxims]. Shamfor S.-R.N. *Maksimy i mysli* [Maxims and thoughts]. Moscow, AST Publ., 2004, pp. 5-22. (In Russ.)

Spor o drevnikh i novykh [The dispute about the ancient and the new]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1985, 471 p. (In Russ.)

Chesterfield. *Pis'ma k synu. Maksimy. Kharaktery* [Letters to my son. Maxims. Characters]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 328 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.04.2024; одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted 15.04.2024; approved after reviewing 13.05.2024; accepted for publication 15.05.2024.